

УДК 93/94

И. Н. Сулов

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОЕВИКА
(ПОБЕДОНОСЦЕВА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)**

Содержит воспоминания члена боевой дружины Костромского комитета РСДРП А. М. Победоносцева (1905 – 1911 гг.), хранящиеся в фонде «Документы» Костромского музея-заповедника. Воспоминания А. М. Победоносцева отражают происходящие в Костроме в 1905 – 1907 гг. революционные потрясения.

Ключевые слова: Кострома, революция 1905 – 1907 гг., РСДРП, боевая дружина, экспроприация.

Первая российская революция в Костромской губернии представлена в региональной историографии достаточно широко [1; 11]. Источниковая база исследований преимущественно основана на использовании центральных и региональных архивов. Тем не менее коллекции музеев остаются недостаточно введенными в научный оборот. В фонде «Документы» Костромского музея-заповедника хранятся воспоминания, размышления, мемуары участников революций 1905 – 1907 гг., 1917 г. и Гражданской войны [2; 3]. Большой интерес представляют воспоминания Алексея Михайловича Победоносцева «Из воспоминаний боевика», которые поступили в музей в 2001 г. Боевая организация Костромского комитета РСДРП возникла 20 октября 1905 г. В неё входил и Алексей Михайлович Победоносцев, учащийся реального училища г. Костромы. В 1930-х гг. он был репрессирован, в последующем получал персональную пенсию союзного значения. Умер в Москве в 1960 г. Воспоминания А. М. Победоносцева охватывают период с 1904 по 1911 г. и содержат описание следующих событий: убийство казачьего сотника 22 октября 1905 г. на митинге в Михинском сквере, экспроприацию пироксилина с парохода «Макарьев», нападение на губернскую тюрьму и др.

В начале 1905 г. в Костромской губернии действовал Северный комитет РСДРП, который включал в себя Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии. 16 марта 1905 г.

комитет вынес решение о выделении Костромской группы, которая «достаточно сильна, чтобы получить право на самостоятельную деятельность» [10, с. 67]. 4 июля 1905 г. группы были преобразованы в комитеты [7, с. 180]. 20 октября 1905 г. была создана «боевая дружина», которая «первоначально имела целью защиту отдельных лиц и политических собраний от черной сотни» [5, с. 72]. Организаторами «дружины» были К. Волков (Николай Иванович Соколов) и М. Кедров [Там же, с. 72 – 73]. В состав боевой дружины входили два отряда: «первый..., состоявший из рабочих, постоянно действовал в фабричном районе, а второй, состоявший в большинстве из интеллигенции, нес охрану центральной части города» [6, с. 90]. 17 сентября 1906 г. в штабе дружины прошел обыск, в результате чего четыре дружинника были арестованы. В сентябре этого же года были арестованы ещё пять человек. На пятом съезде РСДРП было принято решение о роспуске боевых дружин [9, с. 616]. По мнению А. А. Рыбкина, поставить нападения боевых дружин под контроль «так и не удалось» [11, с. 22].

После Октябрьской социалистической революции издаются сборники документов по революционному движению в Костромской губернии в 1905 – 1907 гг. В 1926 г. выходит сборник статей, в котором отдельная публикация посвящена боевой организации Костромского комитета РСДРП. В статье приводится список боевой дружи-

ны, включающий 83 имени, рассказывает о деятельности боевой организации, в том числе экспроприации пироксилина с парохода «Макарьев» и нападении на тюрьму [5, с. 72 – 85], однако не отражены нападение на инспектора реального училища, добыча печатной машинки и пр. К 50-летию первой российской революции выходит серия сборников документов [4]. В одном из сборников упоминается ограбление инспектора реального училища. В отличие от воспоминаний А. М. Победоносцева в документе стоит дата 20 марта 1906 г. [4, с. 438], а не 20 февраля 1906 г. В 1950-х гг. появляется сборник документов, посвященный революционному движению в 1905 – 1907 гг. в Костромской губернии. В сборнике приводится выдержка из обвинительного акта по делу о Костромской боевой организации РСДРП, в котором перечисляются документы и рукописи, изъятые у члена боевой дружины РСДРП К. Н. Козуева при аресте [10, с. 293 – 299]. В 1955 г. издаётся сборник воспоминаний участников Октябрьской революции, где публикуются воспоминания Победоносцева, в которых он отражает участие молодёжи Костромы в февральских и октябрьских событиях 1917 г. [8, с. 116 – 126]. В 1982 г. Костромской государственный архив пострадал от пожара – часть дел, отражающих революционное движение в Костромской губернии в 1905 – 1907 гг., была утрачена. Поэтому воспоминания Алексея Михайловича Победоносцева дополняют представления исследователей о

деятельности Костромской боевой организации РСДРП в 1905 – 1907 гг.

С 1954 по 1958 г. директором Костромского областного краеведческого музея являлась Мария Михайловна Орехова. В это время к 50-летию первой русской революции была подготовлена выставка-передвижка «50 лет первой русской революции». Вероятно, воспоминания были написаны А. М. Победоносцевым к 50-летию первой русской революции, т. е. к 1955 г. Автор обладал обширными знаниями о революционных потрясениях 1905 – 1907 гг., поэтому отразил в тексте часть своих воспоминаний, назвав их «Из воспоминаний боевика». В это время Победоносцеву уже было более 50 лет, поэтому воспоминания носят субъективный характер и требуют сопоставления с другими источниками. Воспоминания Алексея Михайловича были приняты в музей на ответственное хранение в 2002 г.

Публикацию текста воспоминаний* подготовил старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных коллекций ОГБУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» кандидат исторических наук И. Н. Сулоев.

---

*Орфография и пунктуация авторского текста сохранены.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОЕВИКА¹
*Победоносцева Алексея Михайловича*²

ИСТОРИЯ С ОДНОЙ МАШИНОКой

Первый подпольный кружок из учащихся Костромского реального училища был организован весной 1904 года. Организатором его был большевик Н. Соколов³, которому впервые удалось привлечь к работе человек 15 – 17 из двух старших классов. Сначала он же был у нас и руководителем, и лектором, но вскоре, в качестве лекторов, стали принимать участие талантливые гимназисты Козлов⁴ и Арон Залкинд. Наш кружок стал пополняться рабочими и к началу 1905 года кружок уже посещали пропагандисты-профессионалы – учитель гимназии Голубков⁵ и Я.М. Свердлов, который проводил занятия с ноября месяца 1904 года по февраль 1905 года.

Наши занятия проходили в ознакомлении с историей революционного движения, изучения политической экономии, читали нелегальную литературу, газеты и т.д. Работа кружка проходила в квартире Ф. Штаковского⁶ на набережной улице и в Кадыевском переулке в доме А.В. Стоюниных.

В одно из занятий, весной, перед первым мая, мы знакомились с листовками, читали ряд обращений к рабочим, причём Соколов очень досадовал на плохое оформление этих листовок. Написанные от руки не всегда разборчиво и слепо отпечатанные на гектографе, они плохо прочитывались, особенно в рабочей массе и не давали должного впечатления. Пользоваться же пишущими машинками наших «адвокатов», или где-либо в учреждении, было почти невозможно (число машинок в Костроме наперечёт).

---

¹ Заголовок документа.

² Слова вписаны между двух строк заголовка текста синими чернилами.

³ Соколов Н. – Н. Н. Соколов входил в состав руководящего «центра костромской партийной организации», организатор боевой дружины (см.: Караваев П. Н. В дооктябрьские дни: на партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953. С. 24) ; Лапшин Н. П. Боевая организация Костромского комитета РСДРП 1905 – 6 года // 1905 год в Костроме : сб. ст. / под ред. Я. А. Андреева. Кострома, 1926. С. 72.

⁴ Козлов Н. – Николай Кузьмич Козлов (28 января 1893 г. – 29 июля 1973 г.), член РСДРП с 1909 г. Распространял революционную литературу, проводил кружковые занятия среди рабочих. (см.: Кострома. Историческая энциклопедия / гл. ред. А. К. Шустов. Кострома, 2002. С. 173).

⁵ Голубков С. – учитель гимназии.

⁶ Штаковский Фриц – погиб в Сибири в 1918 г.

Эх! Свою бы нам нужно иметь машину, как-то однажды сказал Соколов.

Этот разговор меня сильно заинтересовал. После занятия кружка и говорю я Фрицу Штаковскому – моему товарищу и участнику кружка: «А ведь у нас в реальном училище есть пишущая машинка, что ты скажешь, если для нужд революционного дела взять её из училища. – Рабочий класс от этого не пострадает, а выиграет!»

– А что будет тебе, если попадётся, – спрашивает меня Фриц.

– Этот совсем другой разговор, а ты скажи, ладно ли будет, если на машинке хорошие прокламации печатать будут.

– Да, уж чего лучше!

– Ну, вот, значит договорились.

– Согласен.

Через день-другой вчетвером: Соколов, Н. Померанцев¹, Фриц и я обсуждали этот вопрос. Соколов, когда ему рассказали про наше намерение, так и загорелся весь.

– Да ведь этой машинкой мы не только Кострому можем обслужить! – Это великолепно! – А ваши мещанские сомнения о нравственности забудьте! Вы же революционеры, чёрт возьми! Я сам иду с Вами!

И вот «революционеры» из шестого класса приступили к организации этого дела.

Было решено в ближайшие дни поздно вечером забраться через окно нижнего этажа в здание училища, открыть запертую дверь в учительскую комнату и открыть также шкаф, где хранилась пишущая машинка.

Поздно вечером собрались все у Фрица на Набережной улице, а когда совсем стемнело пошли к училищу. Перелезли через забор во

двор. Померанцев одним мигом был в окне школы (крючки окна ещё днём остались не защёлкнутыми) и просил нас пожаловать. Соколов и Фриц, видимо, нервничали.

Влезли в здание. Тишина в школе, темнота, каждый шорох раздаётся в пустых коридорах.

Теперь нужно проверить, где стоит дежурный «дядька». Вперёд отправляются Фриц и Н. Померанцев – мы остаёмся.

Вдруг, вижу Фриц быстро возвращается обратно.

Дядька сторож спит на рундуке, недалеко от учительской. Торопливо сообщаемся, как быть. – Дверь в учительскую заперта и о взломе нечего и думать, так как «дядька» проснётся.

Померанцев предлагает подкрасться к сонному «дядьке», закрыть ему голову его же одеялом, а руки и ноги связать. Четвером ведь мигом справимся. Я

---

¹ Померанцев Н. – учащийся, приговорен к смертной казни, погиб в Москве в 1908 г.

сейчас же соглашаюсь, но Соколов совсем разнервничался и Фриц стал колебаться. Хотим с Померанцевым проделать это вдвоём, но нас отговаривают, так как «дядька» по голосу легко может узнать. С тяжёлым чувством возвращаемся обратно.

– Вот так революционеры! – шепчет мне Померанцев, вылезая из окна.

Эта неудача страшно обескуражила нас всех, а я лично во всем потерял спокойствие, и после некоторых размышлений решил действовать один.

Тщательно проработав план, я приступил к делу.

Необходимо было влезть прямо в учительскую, окна которой выходили на крыльцо квартиры дворника во дворе. Всё оружие моё заключалось в отточенном долоте, которым я должен открыть окно и шкаф учительской.

Л. 4

Несколько дней подряд я прогуливался поздно около училища и даже заходил во двор, не решаясь приступить к делу. Наконец, поздно вечером пошел первый весенний дождичек. Было очень темно. Я вошёл во двор училища, успокоил собачонку, которая встретила меня лаем, и подошёл к двери крыльца дворника. Света в окнах не было. Наверное уже около 12 часов ночи.

Пробуя двери в квартиру дворника, я обнаружил на скобе замок с ключом, которым дворник запирает двери, когда уходит из квартиры. Недолго думая, я запер дворника его же ключом. Ну теперь дядя Осип крепко заперт!

Стало спокойней. Быстро забрался на невысокую крышу крыльца и со всеми предосторожностями, чтобы не гремела железная крыша, добрался до окна. С окном определился быстро, так как форточка не была заперта.

Итак, ученик шестого класса забрался в учительскую, что экспроприировать пишущую машинку.

Обстановка учительской всегда была сопряжена у нас, учеников, с разными взысканиями, а потому, попав в неё, я сразу не мог отрешиться от неприятных ощущений.

Некоторое время постоял среди комнаты, попробовал двери учительской. Заперто! Послушал в замочную скважину – тишина! Приступаю к шкафу, с силой всаживаю долото около замка, поворачиваю его и широкая половина дверцы шкафа с треском раскрывается! Неужели дежурный услышит. Долго стою и прислушиваюсь у двери. Тишина!

Только спустя две-три минуты подхожу к шкафу осторожно, чтобы не шуметь вынимаю машинку и кладу её на окно. Но вдруг

Л. 5

вспоминаю, а ведь «кондуит» (кондуит – это книга, где записывались все проступки учащихся) находится в шкафу! Быстро возвращаюсь и достаю эту проклятую книгу. Как жалко, что темно, но всё равно вырываю с ожесточением по несколько десятков листов и рву-рву их и поливаю тут же чернилами.

Уничтожение этой ненавистой книги мне тогда казалось куда больше событием, чем экспроприация машинки.

Сколько нелепых, жестоких штрафов на моих товарищей было тогда ликвидировано в этом официальном документе – книге.

Выбираюсь с машинкой из учительской. Как я смог без шума пробраться обратно по железной крыше и с таким гремящим предметом, как футляр от машинки, я и сам не понимаю!

Но всё сошло благополучно. Долго задержался у высокого забора, через который нужно было мне перелезть вместе с машинкой в переулочек у церкви «Спас-Подвязья»¹. При всех моих физкультурных качествах мне это не удавалось. Пришлось снять рубашку, связать её ремнём, привязать конец ремня к ручке футляра и, не выпуская другого конца рубашки, залезть на забор, втянуть машинку вверх и спустить на другую сторону забора.

Так как мне предстояло пройти до дома несколько переулочков, а с такой вещью, первый встречный мог мне испортить все дела, то я спрятал машинку в густых кустах ограды церкви. Сбегал домой, разбудил брата. И уже поздно ночью вместе с ним, хорошо упрятав машинку в плащ, благополучно добрался домой.

Утром, ещё задолго до начала уроков, полетел я в конец Русиной ул.² к Соколову с радостной вестью, причём первым делом рассказал как уничтожил «кондуит», а уже потом упомянул и о машинке.

Л. 6

Вечером машинка была доставлена Соколову. Этой же весной Соколов выбыл из реального училища. Его, по указанию жандармского управления, уволила администрация.

Нужно сказать, что в это время Соколов уже был профессионалом-революционером и вскоре уехал работать в Н. Новгород и Казань. Машинка уехала с ним и по письму его ко мне была целиком загружена работой в подпольных типографиях.

О печальном конце этого прекрасного товарища, преданного революционному делу я узнал в 1908 году – он тяжело заболел, не мог пережить реакции в 1907 году и покончил собой. Н. Померанцев, приговорённый к смертной казни, погиб в 1908 году в Москве. Фриц Штаковский погиб в Сибири в 1918 году в борьбе с Колчаком.

---

¹Церковь в честь Преображения Господня (Спасская) в Подвязье. Первая треть XVIII в. Находилась в центре квартала между улицами Мшанской (Островского), Спасской (Депутатской), Царевской (проспект Текстильщиков) и Царевским переулком (улица Спасокукоцкого). Храм разрушен в середине 1930-х гг.

²Официальное название – «Кинешемская». В настоящее время – улица Советская.

**НАШИМ ПОДПОЛЬНЫМ КРУЖКОМ РУКОВОДИТ
ЯКОВ СВЕРДЛОВ**

В конце 1904 года подпольные кружки в гор. Костроме получили широкое развитие. В кружках с учащейся молодёжью, помимо начальной литературы, изучалась эрфуртская программа, Коммунистический манифест, политэкономия по Богданову, читали Плеханова, а некоторые брались и за «Капитал» Маркса.

Кружки с рабочей прослойкой проводились по несколько иной программе. Здесь широко освещались текущие события, проводились доклады о задачах революционной борьбы, формулированных т. Лениным.

К концу 1904 года наш кружок, организованный на Набережной улице в доме, где жил Фриц Штаковский, увеличился. Если вначале в нём была только учащаяся молодёжь, то теперь он стал пополняться рабочими. Надо сказать, что место здесь было удобное во всех отношениях. При доме имелся громадный двор – пустырь. На пустыре была оборудована молодёжью площадка для разного рода спорта: борьба, гимнастика и т.д. Сюда стекалась молодёжь, увлекающаяся спортом.

Полиция не обращала внимания на эти сборища, так как здесь происходили дозволенные развлечения, которым власть даже покровительствовала.

Вот за этой-то ширмой и было особенно удобно собираться и проводить большую подпольную работу.

В большом доме, где обитал Фриц, был родильный дом, жильцов было мало, и на третьем этаже размещались большие светелки с изолированным входом. Здесь-то и собирался кружок, а также происходили

Л. 8

сборы активных боевиков. В эти светелки приходил только свой, проверенный народ. Здесь до 1907 года не было ни одного полицейского налёта.

Первыми руководителями-пропагандистами у нас были: Н. Соколов, гимназист Козлов и Арон Залкинд. В сентябре месяце повёл работу учитель гимназии Голубков. В это время в кружки входили (я припоминаю сейчас не всех учащихся): Юнгмейстер Г.Ф.¹, Штаковский, Гурьев², Победоносцев, Крылов, Алекритский, Г. Стоюнин, Фесенко, С. Цветков, Шешин³ и из рабочих и служа-

---

¹ Юнгмейстер Г. Ф. – гимназист (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

² Гурьев – «Гурьевы А., А., С. и А. 3 техн. и 1 гимназист» (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

³ Шешин – техник (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.). Н. П. Лапшин приводит список членов боевой организации Костромского комитета РСДРП, состоящий из 83 фамилий.

щих бывали: Удалов¹, Померанцев, Лощагин², Терехин³, Лебедев⁴, Н. Иванов «Буржуй», Ситов, Ртищев, Косульников, Барыбашкин и другие.

В один из вечеров в ноябре месяце Голубков сказал, что скоро у нас будет вести рабочую группу новый руководитель. На первое занятие Голубков привёл к нам молодого, лет 23 – 24, живого, быстрого, небольшого мужчину и представил: «Товарищ Яков».

Рабочие сразу прозвали его «Наш Кудрявый».

После сравнительно сложных и отвлечённых вопросов, которые изучали рабочие с т. Голубковым, т. Яков сразу захватил наше внимание, живо и ясно вводя нас в круг современной жизни.

Наша костромская обстановка и политические события получили яркую картину. Товарищ Яков, передавая нам листовки, брошюры и другую литературу, всегда давал нам дополнительные объяснения, характеристики и поэтому всё это прочитывалось с большим интересом и пониманием.

В декабре месяце, в целях разгрузки группы рабочего кружка и в целях большей конспиративности, мне поручили выделить часть кружковцев и перевести их для работы по новому адресу в Кадыевский переулок в д. Стоюниных.

Л. 9

Яков Михайлович Свердлов был не только блестящий докладчик-пропагандист, но и изумительный организатор. Припоминаю такой случай. – Мне иногда приходилось провожать Я.М. на его квартиру. Однажды, после кружка, я пригласил Я.М. по пути зайти ко мне выпить чайку. – Я.М. согласился. К нам в кухоньку, где мы пили чай, зашёл мой отец. Разговор шёл о летних забастовках на костромских фабриках. Отец сказал: «Как же не возмущаться рабочим?! – Вот я работаю акцизным контролёром на табачной фабрике Чумаковых. Братьев Чумаковых рабочие зовут «Ироды-кровопийцы». Они создали ужасающие условия на фабрике. За 9 – 10 часов работы и в невыносимой обстановке рабочие зарабатывают 40 – 45 копеек в день. Воздух в цехах такой, что непривыч-

---

¹ Удалов – приговорён к смертной казни (повешен в Москве в 1908 г.).

² Лощагин – рабочий Чумаковской фабрики.

³ Терехин – Пётр Иванович Терехин, уроженец с. Карачарова Муромского уезда, учащийся Костромской торговой школы. В 16 лет стал социал-демократом, распространял прокламации. Во время первой русской революции был одним из видных членов штаба Костромской боевой дружины. В 1906 году под его руководством боевики совершили дерзкий налет на костромскую тюрьму, освободили группу активных членов боевой дружины. Приговорён к смертной казни 6 декабря 1907 г. Повешен 9 января 1908 г. в Костроме (см.: Революционная Кострома : путеводитель. Кострома, 1958. С. 36 – 37).

⁴ Лебедев – Т. Лебедев, рабочий (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

ный человек угорает за 2 часа». Далее отец, увидев штатскую одежду Я.М. и приняв его за семинариста, сказал: «Я окончил тоже духовную семинарию, но не пошёл по духовному ведомству. Не советую и Вам. Нет нынче в народе веры». – Я.М. улыбаясь сказал: «Я согласен с Вами и не думаю работать по духовному ведомству».

Разговор о чумаковской фабрике сразу получил результаты.

На следующем занятии Я.М. пришёл уже с материалами по организации забастовки на табачной фабрике.

Передал листовки по призыву рабочих к забастовке, разработал требования рабочих к Чумаковым, дал практические указания по проведению забастовки и агитации среди рабочих, наметил кого выбрать для предъявления требований и другие указания. Рабочему фабрики – кружковцу Лощагину и молодой работнице М. Мясниковой – поручалось приступить немедленно к организации забастовки.

В первых числах февраля 1905 года рабочие табачной фабрики забастовали и предъявили требования.

Л. 10

Бастовали дружно более 200 человек, т.е. почти все. Чумаковы, учитывая такой характер забастовки и боясь, что невыносимые условия труда рабочих станут достоянием широкой общественности, сразу пошли на уступки. Была повышена зарплата в среднем на 2 – 2 ½ руб. в месяц. В цехах срочно была оборудована вентиляция, рабочим были выданы расpirаторы. Эта победа, хотя и не полная, подняла дух рабочих и вселила уверенность в свои силы.

Кружок в Кадыевском переулке состоял всего из 6 – 7 человек рабочих и служащих.

Хозяйка дома А.В. Стоюнина говорила мне: «Я с восхищением слушаю докладчика из соседней комнаты. Как он доходчиво, ясно разбирает текущие события, как умело и толково даёт задание по агитации среди товарищей и все они понимают куда и как идти сегодня и завтра. Право, я совсем не замечаю, как пройдут 2 – 3 часа занятий» – так говорила очень пожилая и умная женщина из купеческой среды.

Не могу забыть курьёзного случая здесь, после первого занятия А.В. заявила мне: «Алёша, я приветствую ваши занятия, но вы скажите товарищам, чтобы они не курили так свою махорку. Это ужас какой-то. В комнате после вас даже лампадка погасла. Пожалуйста, передайте им это» – и вручила мне 2 пачки хороших папирос. Так каждое занятие мы и получали папиросы и старались деликатно курить.

Оба кружка Я.М. работали до февраля месяца, когда Я.М. пришлось прекратить работу.

Полиция и жандармы напали на след Я.М. и ему вскоре пришлось уехать из Костромы.

Л. 11

Уже в советские годы я встречался с некоторыми товарищами в Москве (Косульниковым – бывш. руководителем ЧК в Костроме, Крыловым – ответственным партработником в Москве и др.) и мы с гордостью вспоминали о том, что были участниками в скромных кружках, где с нами занимался руководитель Советского правительства – первый председатель ЦИК тов. Свердлов.

Л. 12

ПЕРВАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ НАШЕЙ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ

В октябре месяце 1905 года была организована костромская боевая дружина. Состав её в большей своей части состоял из учащихся и первоначальная цель её организации была защита отдельных лиц и политических собраний от чёрной сотни. Но через несколько месяцев, в начале 1906 года, боевая организация начинает менять свой состав, в неё вливаются рабочие и в дружине устанавливается определённая дисциплина, причём основной задачей её становится усиление боевой мощи революционного пролетариата, подготовка его к будущим боям. В Костроме организуется областное военно-техническое бюро, которое устанавливает связи с соседними городами – Ярославлем, Ивановым¹ и Москвой. Развитие революционной работы вообще и в частности укрепление боевой организации требовало значительных денежных средств. Необходимо было приобретать более серьёзное оружие, чем то, которое имелось вначале у дружины, необходимо было приобретать и печатать литературу, оплачивать разъезды, содержать нелегальных товарищей и т.д. Тех средств, которые собирались путём подписки, организацией вечеров, лекций и т.п., совершенно не хватало. Вплотную встал вопрос о необходимости экспроприации средств у государства.

Обсуждался этот вопрос и у нас в дружине на Набережной улице.

На одном из таких совещаний было предложено два проекта: первый проект намечал экспроприацию денег, которые ежемесячно привозил инспектор реального училища для раздачи жалования учителям, и второй – экспроприация денег у сборщика винных лавок по Галичскому уезду.

Л. 13

Пока остановились на первом проекте, хотя вначале и смущались тем обстоятельством, что преподаватели могут пострадать от нашего экса, но когда выяснилось, что государство обязано будет выдать жалование персоналу, то все наши сомнения рассеялись.

Организация этого предприятия была крайне проста.

---

¹ В док. ошибка; вероятно, следует: Ивановом.

Я должен был проследить, когда инспектор поедет за деньгами в казначейство, куда он обычно ездил числа 19 – 20 каждого месяца, немедленно сообщить об этом Фрицу Штаковскому. Фриц обязан был проследить инспектора у казначейства и заблаговременно дать знать Н. Померанцеву и Лощагину (рабочий Чумаковской фабрики). Последние двое и должны быть главными действующими лицами – они должны были отнять у инспектора сумку с деньгами в то время, когда тот будет сходить с извозчика у реального училища. Фриц и я должны были оказать им помощь в последующем встретить их в условном месте и в крайнем случае защитить от погони.

19-го февраля инспектор не поехал в казначейство. 20-го февраля стало известно, что третий урок инспектора отменяется, а поэтому нужно быть начеку. В первую же перемену я побежал предупредить Фрица, где и застал у него всех участников.

В перемену к третьему уроку швейцар предоставил извозчика к подъезду и инспектор уехал. На третий урок я уже не пошёл в класс и просил товарищей не отмечать меня отсутствующим, так как скоро вернусь.

При выходе из училища, невдалеке от Мшанской улицы¹ увидел я Померанцева и Лощагина. Оба были в папах, надетых глубоко на глаза, чтобы не быть узанным случайными знакомыми встречными. Оба имели по запасной шапченке и по револьверу. Встречаясь, мы

Л. 14

обмениваемся последними условиями нашего предприятия. С угла из переулка наблюдаю, что делается на улице и с нетерпением ожидаю Фрица.

Вижу вдали за квартал останавливается извозчик, с него сходит человек и быстро приближается к училищу. Это Фриц! Проходя мимо меня роняет: «Сейчас «Синус» (инспектор) покажется» и подходит к нашим «папахам», которые уже приближаются к подъезду училища. Через несколько минут в школе должна наступить большая перемена.

Но вот показывается и ожидаемый извозчик. Поднявши воротник, нахлывшись сидит красноносенький «Синус». Через несколько моментов наступила развязка, которая в этом месте приняла скорее комический, чем трагический характер. Едва инспектор сошёл с саней и прошёл шага три-четыре, как Лощагин толкнул его под ногу и тот с протянутыми руками вперёд, в одной из которых была сумка, ткнулся к Померанцеву, а последний выхватил у него сумку, подтолкнул его дальше и оба не спеша побежали по направлению к церкви «Спаса-Подвязья». Перепуганный инспектор беспомощно махал руками «Ах-Ах!» и не решаясь бежать за похитителями, бросился за помощью в подъезд швейцарской. Но и тут встретил препятствие. Как раз началась большая перемена и ла-

---

¹ В настоящее время – улица Островского.

вина учеников высыпала навстречу, загородив на некоторое время проход в швейцарскую.

В это время Померанцев и Лощагин не успели сделать несколько шагов, как на встречу им попала женщина с коровой на верёвке. Корова увидела бегущих в папах, испугалась, вырвалась из рук женщины и побежала как раз в тот переулок, в который завернули и наши экспроприаторы.

Л. 15

Для всех окружающих и даже для старичка-извозчика, который привёз инспектора, сразу не было понятно, что за сцена разыгралась здесь в этот момент: – То ли инспектор напугался коровы, то ли корова напугалась толкотни, а двое в папах побежали её ловить. Но это, конечно, продлилось недолго и нужно ждать серьёзной погони.

Спешу к назначенному месту встречи на угол Власьевской¹ и Больничному переулку. Уже через несколько минут по направлению к реальному училищу прибежали 4 полицейских и вслед за ними на извозчике приехал квартальный. И в это же время из переулка показался Лощагин. Запыхавшись он сообщил, что Николай, перелезая через забор, потерял запасную шапку и не решается в папахе показаться на улицу. Сейчас он забрался и сидит в бане в саду против дома Глебова и ждёт меня с шапкой. Говорю Лощагину, чтобы он шёл к нам, но через двор и большой сад дома Шарагина. Хорошо, что мой дом почти рядом, мигом домой, хватаю форменную фуражку, за пазуху её и на выручку!

Вбегаю на указанный двор, на дворе хозяйка кормит кур и с ней другая женщина. «Тетенька! Не видали наших голубей, сюда полетели!» – «Не видали!» Укоризненно смотрят на взрослого реалиста, а когда я оглядываюсь кругом пробираюсь в сад, слышу разговор:

– Совсем ошалели ребята с голубями. Даже уроки пропускают.

Скорей к бане.

– Николай, где ты?

Слышу голос с чердака бани.

– Наконец-то дождался, ведь погоня за мной!

Надевает картуз и передаёт мне сумку и спешит во двор. Едва удерживаю его: «За мной! Там на дворе народ!» По сугробам,

Л. 16

через забор в соседний сад и быстро в переулок.

По разным тротуарам выходим на Власьевскую улицу к дому Шарагина и садами к нам домой. Дома с нетерпением ждут нас, пришёл из Бюро и Жорж Юнгмейстер.

---

¹ В настоящее время – улица Симановского.

– Ну, наконец! Ведь по всем углам городских расставили! Вот и здесь на углу пара стоит.

Вынимаю сумку и кладу на стол. Жорж хочет считать деньги.

– Убери ты их скорее к черту! – кричит Померанцев. Там в бюро сосчитайте. Чуть не влипли с этим делом.

И действительно, как потом рассказывали наши товарищи реалисты, через несколько минут по следам Померанцева прибыли полицейские к бане и обнаружили там папаху.

В этот день я сумел даже попасть на последние уроки и таким образом мог быть вне всяких подозрений. Также бесследно прошло это дело и для остальных участников экспроприации.

Экспроприированные средства, которых было около трёх тысяч рублей, живой струёй влились в нарастающее революционное движение. На эти средства главным образом было закуплено оружие – винчестеры и револьверы.

В нашем же отряде на Набережной улице это дело явилось прелюдией к ряду серьёзных выступлений, как например, экспроприация 20 пудов пироксилина с казённого парохода «Макарьев».

Л. 17

ДВА ВЫСТРЕЛА

Шел 1905 год.

Тяжёлый день пережила Кострома 19 октября 1905 года. В этот день, во время митинга на Сусанинской площади, куда собралась учащаяся молодёжь города, произошёл черносотенный погром. Черная сотня, при содействии властей, полиции и казаков, произвела гнуснейшее избиение безоружной молодёжи.

Все больницы были переполнены изувеченными и ранеными, были и убитые.

После этого побоища было решено митинги устраивать в рабочих районах, а срочно организованная боевая дружина, должна была нести охрану этих митингов и отдельных лиц от черной сотни.

Наиболее удобным местом для митингов был, так называемый Михинский сквер (теперь сквер Борьбы). Михинский сквер в это время представлял из себя большую свободную площадь, один край которого примыкал к рабочему посёлку и территории Михинской фабрики, а другой граничил с Запруднинским кладбищем¹. К стене кладбища примыкал небольшой пустырь, огороженный деревянным забором.

В праздничный день 22 октября начался один из первых больших свободных митингов. Этот митинг было решено охранять и для этой цели привлекли боевую дружину.

---

¹Запрудненское кладбище – кладбище у храма Спаса-на-Запрудне.

Дружина была вооружена в большинстве револьверами, за исключением 2 – 3 винтовок кавалерийского образца и находилась она за забором пустыря. Несколько дружинников находились среди многотысячной массы, собравшейся на митинг.

Митинг продолжался уже два часа и подходил к концу, когда один из ораторов предложил спеть в честь павших борцов.

Л. 18

Пение ещё не окончилось, когда из переулка Рабочей слободки выехала сотня казаков и с двух сторон цепью стали охватывать толпу, намереваясь захватить центр, где находились ораторы и рабочие, державшие красные знамена.

Во главе казаков, ближе к нашей стороне, ехал казачий сотник. Это был настоящий зверь, которого и сами казаки боялись, не долюбливали¹.

Мне было хорошо видно, как сотник врзался в толпу, и, полосую нагайкой в обе стороны, вёл цепь вблизи нашего забора.

Когда он был совсем близко, я не смог сдержаться, вскочил во весь рост на забор, закричал: «Бей царских палачей» и сделал в сотника три выстрела из браунинга. Сотник сразу рухнул с лошади (одна из пуль попала ему в голову и он был убит наповал). Я успел увидеть, как лошадь сразу встала около убитого, а цепь казаков хлынула назад, снимая винтовки из-за плеча.

В это время меня за ноги стащили с забора (это был кажется Лапшин). – Что ты, очумелый, ведь у них сотни винтовок! – Все быстро бросились за каменную ограду кладбища и из-за неё раздалось сразу несколько выстрелов в казаков, которые в панике от неожиданной стрельбы и падения сотника, спешили далеко у края Рабочей слободки. Начались обоюдные выстрелы. С далёкого расстояния они не причиняли урона обеим сторонам. Особенно безопасно было дружине за каменной оградой.

Темнело.

Находясь на каменной стене, за большой берёзой, я видел, как толпа быстро и беспрепятственно растекалась со сквера на двор Михинской фабрики² и по улице – на Запрудню к фабрике Зотовых.

Л. 19

Через некоторое время два казака отделились в сторону, спешили и подошли к убитому сотнику. Они перекинули тело через седло и увезли его со сквера. В это время выстрелов не было.

Из-за ограды стали кричать: «Уезжайте от нас царские палачи! Прекратите стрельбу!»

---

¹В док. ошибка; вероятно, следует: недолюбливали.

²Бумагопрядильная фабрика Михиной – фабрика построена в 1899 г.; в советское время получила название «Знамя Труда».

Совсем стемнело – дружинники постепенно уходили с кладбища по направлению к Зотовской фабрике. Казаки нестройной массой тоже уезжали по опустевшим улицам к центру города.

После отпора, который дала боевая дружина казакам, полиция и казаки не осмеливались в этом районе разгонять собрания и митинги. Они свободно проводились в клубах, сборных и под открытым небом до января месяца 1906 года.

Однако мы знали, что провокаторы и черная сотня не успокаивались, они усиленно следили и охотились, особенно за организаторами и пропагандистами.

Боевикам давались задания дежурить по охране собраний и их руководителей.

В декабре месяце на фабрике Зотова проходило собрание, на котором были Гастев¹ и Караваев². Мне и Удалову пришлось дежурить около Запрудненского кладбища, дожидаться конца собрания и проводить руководителей до квартир. У меня был браунинг, а у Удалова короткий кавалерийский карабин. Было уже 9 часов вечера, мы тихо прогуливались по безлюдному переулку и заметили двух мужчин, идущих по другой стороне. Мы стояли около фонаря. Фигуры остановились и разглядывали нас, а один сказал: «Пожалуй дозорные». Другой крупный мужчина пьяным голосом крикнул: «Ей вы,

Л. 20

саранча, брысь отсюда». Мы молчали. Вглядевшись, Удалов тихо сказал: «А ведь это Сусанин (главарь черной сотни). Между тем Сусанин вынул из кармана револьвер и крикнул: «Вон отсюда» и выстрелил в нашу сторону. Удалов вскинул из-под полы карабин и выстрелил. Крупнокалиберный карабин грохнул в тишине. Сусанин покачнулся и, не издав звука, ткнулся головой к забору. Его компаньон сразу скрылся в темноте.

Мы постояли некоторое время.

Тишина.

Никто не показывался.

Удалов сказал: «Ну, кажется этому зверю конец».

Тихо направились к Зотовской фабрике и сообщили о случившемся товарищам, уже расходившимся с собрания.

---

¹Гастев (Степанов) – бывший учащийся (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

²Караваев – Пётр Николаевич Караваев родился в г. Кологриве Кологривского уезда Костромской губернии. В 1903 г. вступил в РСДРП(б). Вёл подпольную работу в Костроме, Москве, Воронеже, Иваново-Вознесенске. После Октябрьской социалистической революции занимал ответственный партийный пост. С 1939 г. являлся заместителем заведующего Центральным партийным архивом Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). Умер в Москве в 1952 г. (см.: Караваев П. Н. Указ. соч. С. 2).

На другой день мы узнали, что рано утром Сусанин был отвезён в полицейский участок на бывш. Власьевской улице, что Сусанин был убит пулей крупного калибра в живот на вылет. – Так получил заслуженную смерть главарь черной сотни.

После прекрасного выстрела Удалова, черная сотня не показывалась в этом районе.

Так были уничтожены два лютых зверя.

Казачьему сотнику были устроены торжественные похороны. Гроб несли жандармский полковник и прокурор Масальский.

В прокламации того времени писали, что «героя нагайки несли заплечных дел мастер и оберсыщик, и взяточник».

Сусанина похоронили незаметно – тайно потому, что даже среди жандармерии он числился, как вор и бандит.

Удалов в это время был на нелегальном положении. Это был

Л. 21

смелый рабочий революционер, лучший распространитель листовок и прокламаций.

Был такой случай: Удалов, получив прокламации, пошел на фабрику Зотовых, прошел проходную будку, причем привратник боязливо посторонился, не сказав ему ни слова. Удалов прошел по цехам, неторопливо раздал все листовки и вышел беспрепятственно в задние ворота. Удалов участвовал в боевых выступлениях, как экспроприация пироксилина с парохода «Макарьев» и др.

Удалов погиб в 1908 году, приговоренный к смертной казни.

Л. 22

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ПИРОКСИЛИНА С КАЗЁННОГО ПАРОХОДА «МАКАРЬЕВ»

В середине мая 1906 года на дворе дома Мыльников по Царевскому переулку (теперь Больничная улица) собралась группа молодёжи, оканчивающих реальное училище. Здесь были: Н. Мыльников¹, Н. Козлов, я и др.

Велась беседа о том, кто куда будет поступать дальше учиться. Мыльников и Козлов решили держать экзамены в Московское техническое училище. Я же заявил, что мне придётся отказаться от поступления в государственные учебные заведения из-за отсутствия политической благонадёжности. Придётся поработать сначала, а потом видно будет.

---

¹Мыльников Н. – студент, член боевой дружины (см.: Лапшин Н. П. Указ соч.).

В это время из дома на двор вышел старший брат Мыльников Александр. Он только что окончил курс Московского инженерного училища по отделу водных путей сообщения и должен делать дипломный проект.

– Ну, что куда, ребята, путь держите? Куда готовитесь поступать? – сказал он, подходя к нам. Мы с интересом рассматривали блестящую форму будущего инженера-путейца.

– А вы какую работу диплома взяли? – спросил я Мыльникова.

– Я собираюсь провести этим летом работу по очистке русла реки Костромы, путем взрыва камней, мешающих проходу судов и сплаву леса. Придётся с пероксилином поработать. Я буду руководить взрывными работами.

...У меня даже голова закружилась от этого сообщения. Я

Л. 23

едва удержался от дальнейших расспросов о работе.

На другой день в группе дружинников, в светелке квартиры Ф. Штаковского происходило совещание о том, как нам провести операцию по экспроприации взрывчатых материалов и началась срочная подготовка к ней.

Александр Мыльников был умело и осторожно расспрошен по этому делу, и когда выявились основные детали, то боевики поставили перед Мыльниковым перспективу: или предупредить соответствующие власти о готовящейся операции и за это отвечать перед боевиками, или же идти с нами до конца и давать нам своевременно подробную информацию о подготовке предстоящей работы на реке.

Будучи сочувствующим революционному движению, а также приняв во внимание все другие условия, которые были поставлены перед ним боевиками, А. Мыльников принял решение до конца войти с нами в контакт.

Все распоряжения инженера Войткевича (начальника участка водного пути) нам оказывались быстро известны. Своевременно стало известно и то, что он, Мыльников, вместе с бригадой работников и вместе со взрывчатыми материалами поедут водным путем, что их повезет казенный пароход «Макарьев» с небольшой партией.

В соответствии с этими данными наша боевая группа и разработала тщательно план действий. Была выделена группа участников, приготовлены три лодки, оружие и т.д.

В двадцатых числах июня из Нижнего Новгорода в Кострому прибыл пароход «Макарьев». Это был небольшой потому времени быстроходный пароход, хорошо нам всем известный.

А. Мыльников заблаговременно сообщил нам время отправления его вверх по р. Костроме.

Наши лодки были срочно переброшены за мост у «Ипатия» (Ипатьевского монастыря) и проехав 2 – 3 версты мы выбрали удобное место для операции.

На реке Костроме обычно летом по обоим берегам густо стояли плоты, поднимавшиеся на 25 – 30 километров вверх по реке. Местами проходы между плотами были такие узкие, что пароходы с трудом пробирались между ними.

Вот такое место и было выбрано нами около «Дубняков». Мы знали, что пароход идет без специальной охраны и в соответствии с этим было решено, что одна лодка остановит пароход и обезоружит его, а другая возмет¹ в оборот баржонку, на которой едут рабочие и находится пироксилин.

На первой лодке сидели: Ф. Штаковский, Фесенко, Г. Юнгмейстер и Лощагин.

На второй – Удалов, Ртищев, я и «Буржуй».

Третья лодка ехала на всякий случай – находились 5 человек, среди которых были и не дружинники, но вообще свои люди.

Было уже около 5 часов вечера, когда мы услышали гудки «Макарьева», пробирающегося между плотами. Но вот показался и сам пароход с баржей и прицепленной к ней завозней.

Первая лодка сразу задержала пароход. Под видом того, что в лодке пересаживаются, лодку накренили перед пароходом. Пароход дал совсем тихий ход.

Поравнявшись с пароходом через невысокий борт его из лодки сразу выбросились Штаковский и Фесенко и за ними, с веревкой в руке лез Лощагин и тут же Г. Юнгмейстер. – На пароходе кроме команды из 5 человек были: Мыльников, техник-взрывник и бригадир с

двумя рабочими. Мыльников сразу вскрикнул: «Боевики! Водитель парохода злобно обратился к боевикам: «Что это такое, кто вы такие?»»

Силач Фесенко подошел, взял его за руки, вывернул их и тот со стоном опустился на колени. – «Если жить хочешь – замолкни!» – А появившийся с браунингом в руке Юнгмейстер, вежливо и спокойно сказал: «Господа, боевая организация предлагает всем войти в каюту, а капитан пусть ведет пароход дальше». Фриц и Фесенко проводили случайный персонал в каюту. Лодка была привязана к борту парохода и он двинулся дальше.

С баржей дело обстояло ещё проще. К почти остановившейся барже подъехала вторая лодка, через руль её, с браунингом в руке вскочил Удалов на корму за ним вскочил я с веревкой в руке. Удалов крикнул: «А, ну, кто хочет жить!? – все вниз и помалкивай!»

---

¹ В док. ошибка; вероятно, следует: возьмёт.

Рабочие баржи с ужасом смотрели, как показались еще двое Ртищев и «Буржуй» и вынимают из карманов револьверы. Все, кроме рулевого, брызнули вниз и сели на дно баржи. А на корме рядом с рулевым остался Ртищев.

Вся эта процедура на пароходе и барже произошла так быстро и бесшумно, что плотовщики, находившиеся недалеко на плотках, не поняли в чем дело.

Пароход «Макарьев» тихо пошел по реке, а третья лодка следовала за ним невядалеке. Проехали «Дубняки», деревню Оганино и после этого, не доезжая Яковлевского моста, на совсем тихом году, ящики с пироксилином сгрузили на лодки.

На пароходе остались Фесенко и Ф. Штаковский, а на барже –

Л. 26

Удалов. Пароход проехал Яковлевский мост, реку Узоксу и за речонкой Рыстань остановился. Баржу оставили и «Макарьев» двинулся обратно к городу. А в это время лодка с пироксилином проехала «Дубняки» и мы в укромном месте около берега, спрятав пироксилин, поехали к городу. Было уже темно, когда лодки прибыли на места. Нашу лодку, наиболее заметную (она была трёхвесельная), пришлось временно затопить с камнями около конца «стрелки», другая лодка переехала хранится за Волгой и одна осталась у пристани: пароход «Макарьев» был остановлен недалеко от Запрудни. Оставшиеся дружинники оставили пароход, захватили последний ящик пироксилина, спрятали его в кустах и сами скрылись в городе.

Эта операция наделала много шума в городе. Администрация была в панике. Срочно начались розыски, но они не дали никаких результатов.

Главные действующие лица выбыли из города. Фесенко, Штаковский и Юнгмейстер выбыли в Москву. Померанцев и Лощагин переждали некоторое время в деревне, а я через два дня выехал в гор. Курган и устроился работать на Сибирской ж.д.

Через некоторое время услышал, что почти весь пироксилин уцелел. Часть пироксилина попала в Москву, в Нижний Новгород и Ярославль. В Костроме из него делали бомбы «Макадонки». С такими бомбами мне и Терехину зимой 1906 – 1907 гг. пришлось иметь дело, участвуя в нападении на костромскую тюрьму, для освобождения политических заключенных.

Л. 27

НАПАДЕНИЕ НА КОСТРОМСКУЮ ГУБЕРНСКУЮ ТЮРЬМУ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Боевая деятельность Костромской боевой дружины во второй половине 1906 года была исключительно активной. Несмотря на большие аресты и провалы, деятельность её не ослабевала, а становилась всё острее. В июне месяце боевиками было захвачено оружие на ст. Н. Вичуга, произведены экспропри-

ации денег на Галичском тракте, фабрике Зотовых и в Наволоках, экспроприрован пироксилин с казенного парохода «Макарьев», в ноябре месяце произведено нападение на окружной суд, при обыске убит пристав Преображенский и другие.

Однако полиция все более и более окружала боевую организацию. Большая часть боевиков должна была перейти на нелегальное положение и деятельность дружины все более и более затруднялась.

В сентябре месяце была в первый раз разгромлена «Рождественская коммуна», а также арестованы активные боевики: Мочалов, Померанцев, А. Станкевич¹, Нейский², С. Цветков, Гурьев, Волков и другие. Вот в этот-то период боевой дружиной и было решено организовать нападение на губернскую тюрьму для освобождения политзаключённых.

В конце ноября месяца 1906 года мною в Москве было получено письмо следующего содержания: «Алексей! Боевики решили в ближайшее время организовать нападение на губернскую тюрьму для освобождения своих товарищей. Подготовка в этом ведется и в тюрьме, и в дружине. Бежать предлагают 5 – 7 человек: Мочалов, Померанцев, Цветков, Козуев³, Гурьев, Нейский и ещё кто-то. Ввиду такой большой удачной практики в таких делах, твое участие очень желательно, на

Л. 28

что особенно надеются твои друзья, осуждённые на каторгу. Ждём. Твоя сестра К».

Быстро собрался ехать, хотя очень сомневался, что действительно готовится такое отчаянное предприятие. По приезде в Кострому я немедленно был приглашен на совещание на Рождественскую улицу⁴ в д. Щепетильниковой. Были горячие споры. Ещё раз ставился вопрос о том, возможно ли осуществить такое дерзкое предприятие. Хватит ли у нас сил? Что можно ожидать от всего этого дела? Большинство решило, что какие бы тяжелые перспективы не сулило нам это выступление, его провести нужно.

---

¹Станкевич А. – Станкевич Алексей Петрович (1888 – 1942), профессиональный революционер, член РСДРП с 1905 г. (см.: Кострома : путеводитель-справ. Кострома, 1963. С. 224).

²Нейский – семинарист (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

³Козуев Константин Никитич (1887 – 1907) – революционер-большевик, сын крестьянина-бедняка из Владимирской губернии. Член РСДРП с 1905 года; с весны 1905 года – в Костроме, связной комитета РСДРП. Активный член боевой дружины. Арестован в марте 1907 г. Приговорён к смертной казни. (см.: Революционная Кострома : путеводитель. Кострома, 1958. С. 37 – 39).

⁴В настоящее время – улица Галичская, дом № 16. Принадлежал А. Н. Щепетильниковой (1850 – 1931).

Нужно помочь товарищам!

Пусть некоторые из нас пострадают, но нас долго не забудут.

Единодушно решили приступить немедленно к подготовке освобождения товарищей.

Мне и Ясе Гурьевой было задано добиться свидания с заключенными и окончательно договориться о времени побега, о том, кто побежит, что необходимо припасти для бегущих и т.д.

Я, как брат Померанцева (двоюродный) и Яся, как сестра Гурьева, получили разрешение на свидание. Как сейчас помню радостное лицо Николая, который сразу понял зачем я приехал из Москвы и пришел на свидание. Трудно было в присутствии надзирателя и через решетки вести разговоры о таком деле. На наше счастье надзиратель был заинтересован другими пришедшими на свидание и мы быстро и намеками сумели договориться с братом по всем вопросам. От него я узнал, что бежать собираются: Мочалов, Гурьев, Померанцев, С. Цветков, Козуев, А. Станкевич и еще кто-то.

Во время прогулки, которая обычно бывает около часу дня, на

Л. 29

одном конце тюремного двора создадут искусственную драку для того, чтобы отвлечь внимание надзирателей, а в это время на другом конце двора тюрьмы из окон выкинут заранее приготовленную часть складной лестницы и при помощи ее будут перебираться через тюремную стену.

Наша задача – обезоружить, обезвредить наружную охрану и главным образом задержать всякий выход стражи из тюрьмы наружу через ворота, заменить арестантскую одежду, в которую уже были одеты осуждённые на каторжные работы другим костюмом, передать оружие и направить бежавших на конспиративные квартиры. Здесь же я сообщил Николаю, что самым удобным временем для побега считаю 26 декабря (второй день праздника Рождества), с чем он сразу согласился.

Вечером в тот же день вновь состоялось совещание дружинников, опять в доме Щепетильниковой. Было решено, что непосредственное вооруженное участие в нападении на тюрьму будут принимать Терехин, И. Успенский, «Харлам», Успенский Н., Шешин, Н. Цветков, я и «Гермачка». Остальные: Яся Гурьева, Н. Воскресенская и другие должны будут организовать передачу одежды, оружия, вести наблюдение и т. д.

Мне с Петром Терехиным поручалось: убрать от ворот тюрьмы дежурного, задержать всякий выход через ворота тюрьмы стражников и ихраны¹, и вместе с тем обезопасить все операции, возможные со стороны часового, который дежурит у ворот здания Солигаличского батальона, расположенного как раз про-

---

¹ В док. ошибка; вероятно, следует: и охраны.

тив тюрьмы. Эта миссия требовала выдержки, а также и соответствующего вооружения. Поэтому я и Терехин, помимо браунингов, имели по одной бомбе.

Л. 30

Остальные участники должны были обезвредить двух часовых, стоящих на задних углах тюрьмы, а в случае нужды, оказать помощь мне и Терехину.

Двое бегущих Померанцев и Цветков должны быть взяты на мое попечение, а остальные бегущие должны быть обслужены другими участниками.

Наступило 26 декабря. Погода была морозная – не менее 25 градусов. Еще не было 10 часов утра, как я вышел к тюрьме.

Кроме короткой теплой тужурки на мне было надето пальто и имелось две шапки и два лишних браунинга для передачи бегущим. Длинная «македонка» (бомба) была завернута в серую бумагу и имела невинный вид, а запальник был удобно убран в боковой карман.

На улицах шли редкие закутанные прохожие. Подхожу к концу Русиной (теперь Советской) улицы. Вот и тюрьма. У ворот три фигуры с передачами. Ворота заперты и дежурного у ворот не видно. Напротив у казарм часовой в тулупе. Прохожу с Русиной улицы направо в переулок мимо стены тюрьмы, через которую должны бежать заключенные, вижу на углу тюрьмы часового, закутанного в глубокий тулуп, а вдали по переулку две группы – это свои. Здесь и мой компаньон П. Терехин. Большинство участников одеты легко, вид кособокий – это «венгерки» (короткие) под пальто. Но всюду тихо и встречные люди в такой холод спешат, не интересуясь нами.

Немного переговоров.

Товарищи шутят над моим¹ «бумажным свертком».

Несколько раз прогулялись по соседним переулкам. Время летит быстро. Говорю Петру: «Пойдём к нашим позициям».

Л. 31

Мы снова на Русиной улице, вблизи казарм. Еще раз оговариваем о том, что при первом появлении заключенных на стене, мы должны закрыть всякий выход из ворот, а бомбы бросать только в крайнем случае.

Время близится к развязке.

Не спускаем глаз со стены.

Но вот за стеной слышен какой-то неясный шум голосов.

– Петр! Кажется начинается – приготовься!»...

Я развертываю из бумаги бомбу. Петр вынимает её из специально приделанного кармана.

В это время на стену взбирается фигура в арестантском костюме. Не могу не рассмеяться – фигура скатывается в глубокий снег. Конечно, это Померанцев!

---

¹ Слово «поим» исправлено на «моим» синими чернилами.

– Вместе с грохотом выстрелов слышен крик на часовых: «Ложись!» Вперед. И мы с Терехиным бежим по самой середине улицы, бежим к воротам тюрьмы, откуда показывается привратник. Тут же слышу дикий крик ожидавших людей. А-ах! Бомба! Вижу почти рядом со мной Терехина. Он замахнулся бомбой. Нервы не выдержали – поспешил! Привратник с ужасом бросается назад, захлапывает и запирает дверь. И почти одновременно с брошенной Терехиным бомбой я стреляю в железную дверь тюрьмы из браунинга и ложусь на землю. Но взрыва нет.

И до сих пор убежден, что запальник не был вставлен Терехиным в бомбу.

Встаю и быстро оборачиваюсь к часовому у казармы, который вытаращил глаза, смотрит на нас вооруженных. Кричу ему: «Часовой, нападают на тюрьму, а казарм это не касается. Не шевелись, иначе!.. короткий жест...

А там, рядом за углом канонада из винчестеров продолжается.

Л. 32

Но пора, время уже выходит. Ворота тюрьмы закрыты, а часовой стоит неподвижно. По Русиной улице в панике убегают какие-то люди. Несколько секунд и я у места. Часть нападающих уже удаляется. На дороге меня дожидается Померанцев, около него лежат содранные арестантские брюки, под которыми он имел штатское. Вдоль тюремных стен продолжают стрелять «Гермачка» и Успенский. На ходу бросаю в глубокий снег бомбу без запальника (она уже не нужна) и передаю Николаю пальто, шапку и браунинг. Спрашиваю: «А где же Сергей (Цветков), Козуев? Он отвечает, что Сергей очевидно не решился бежать. Козуева на прогулку с нами не пускают. В это время покидают места и последние – Успенский¹ и Гермачка.

– «Уходи ребята, больше никого не будет», – кричат они.

Ещё задерживаюсь, а вдруг кто появится.

Уже издали слышу голос Николая, зовущий меня. Тулуп часового начинает шевелиться. Со злобой последний раз стреляю в стену, посылаю ругань часовому и несусь за остальными. На повороте второго переуллка догоняю Николая. Он бежит уже медленно, бледный, вижу силы его покидают. Полгода тюрьмы, отсутствие движений и холод сразу лишили его сил. Даю через плечо конец шарфа. «Держись!» И вот на буксире еще два переуллка. Наших никого уже не видно. Спускаемся вниз к маленькой водокачке на Нижней Дебре. Там полицейский пост. Идем быстрым шагом под гору. Николай, увидев вдали полицейского, вынимает браунинг и держит его сзади. Успеваю его схватить за руку и ругаю: «Дубина!» – Он послушно прячет оружие.

---

¹Успенский – Успенские И. и Х., семинаристы (см.: Лапшин Н. П. Указ. соч.).

Быстро проходим мимо полицейского, который обращает внимание на нашу легкую одежку, со смехом отпускает вдогонку – «Обморозите голяшки»!

Л. 33

Николай громко хохочет: «Ах, я пуганная ворона, вот бы зря человека подстрелил!» Спрашиваю: «Кто бежали?» Отвечает: «Собирались пять, но за мною прыгал Мочалов и Сергей Гурьев, а остальные очевидно побоялись «лапы» (надзиратель), уж очень он здорово стреляет».

Вот и берег Волги. В этот год на ней лед замерз большими торосами и были прорублены через Волгу только две дороги. Наш маршрут – перебежать Волгу к лесопильному заводу, по товарной ветке обогнуть вокзал и у Селища снова через Волгу к «Ипатию» и в город на конспиративную квартиру.

– Ну, Николай, сейчас самое трудное! Успеем перебежать Волгу до погони конных стражников – то главное сделано! Держись опять за шарф и дыши носом, а я тебя «вынесу».

Только перебежав за первую половину реки я первый раз оглянулся. Везде тихо. Мороз на Волге крепче. Еще усилие и мы полузадохнувшиеся уже на другом берегу. Ну, теперь-то нас трудно достать. По намеченному маршруту уже в темноте входим в город. Заходим сначала к нам на квартиру. Дома удивленные глаза сестер и матери. Расспросы и разговоры без конца – время летит. Необходимо направить Николая в надежное место. Может быть обыск.

– Ну, пойдем в Кадыевский переулок на ночевку, пора! Завтра нам предстоит большой путь выбраться из города. – Уставший беглец смотрит умоляюще: «Ведь все так тихо – одну сегодняшнюю ночь». Как отказать только, что выреченному другу.

И вот допущено непростительное легкомыслие – риск жизнями нескольких человек.

Уже ночь. Спать не могу. Николай не раздеваясь спит на диване.

Л. 34

Мой товарищ А. Вороблевский, студент из Москвы, остановившийся у меня на квартире, тоже спит. 3 часа ночи. Сквозь дремоту слышу шум, конский топот. Выглядываю через занавеску. На дороге перед окнами несколько всадников и темные фигуры. Как молния мелькает мысль – обыск, облава. Куда спрятать Николая? Рядом комната, спят сестры-гимназистки, одна из них спит на большом сундуке. А что если в этот сундук? До сих пор я не могу понять, как в эти короткие секунды могла явиться такая блестящая идея. Хватаю сонного Николая и не смотря на то, что он больше меня, бросаюсь с ним на руках в комнату сестер. «Катя!» Сестра вскакивает с одеялом в руках. «Открой сундук, обыск». Судорожно вталкиваю в сундук, не пришедшего еще в себя Николая и туда же бросаю оружие. В этот же миг в дверь послышался стук. Едва успеваю сбросить

с дивана пальто и подушку Николая, мать открывает двери и отпрянув назад ахает.

Дулами вперед вваливаются два стражника, а за ними еще несколько с фонарями и свечами. Заполняют все комнаты.

Но обстановка здесь не напоминает им «Рождественскую улицу», после которой это воинство приехало сюда. Два старика, дети и два студента, – вот что они видели здесь. Вслед за вооруженными стражниками появился пристав Павлин, полицмейстер Кузнецкий и какой-то жандармский чин. Обойдя комнату детей и стариков и комнату сестер-гимназисток, полицмейстер махнув рукой говорит: «По одному подежурьте и посмотрите вещи» и все направились к нам – студентам.

Короткий допрос: кто такие, когда приехали из Москвы, где были днем. – Отвечаем: приехали на каникулы, а днем были на лы-

Л. 35

жах, показываю на гору лыж, стоящих в комнате. В это время с полок, со стола и из-под кроватей вытаскиваются книги, тетради и даже двухпудовая гиря. Ищут у нас в комнате везде, местами даже отдирают обои. «Павлин» переглядывается с жандармским чином. Чувствуется, что не то им нужно. Слышу, как Кузнецкий обращается в комнате сестер, где учиться. – В Григоровской гимназии, – отвечают сестры, которые все еще сидят закутанными в одеяла. Полицмейстер кивает стражнику, чтобы он вышел из комнаты и стоял у двери. К «Павлину» подходит городовая и тихо говорит: «Ваше высокородие, там кроме горшков ничего нет».

Жандармский чин, проглядывая какие-то бумаги, спрашивает меня: «Кому вы давали ваш адрес?» Вижу на записке мой адрес. Это писал не я. Вроблевский за меня отвечает: «Ведь вы знаете, что каждый спортсмен и гимназист в городе должен иметь адрес Победоносцева. «Павлин» улыбаясь молча кивает жандарму. Все, видимо, страшно устали. Составляют протокол, забирают часть книг: «Донскую речь», Политэкономия Железнева и другие, и тетради.

Подходит отец, его просят подписать протокол. Перепуганный старик не может подписать. Вроблевский шутливо подсказывает: «Михаил Иванович, Ваше фамилия Победоносцев».

Все смеются. Обстановка разрежается.

Нам предлагают одеться.

Забираем по подушке и под эскортом конницы идем пешком в полицейский участок на Власьевской улице (теперь улица им. Симановского). Запирают нас в разные камеры. Через ночь вызывает нас «Павлин». Вижу все взятое при обыске связано веревкой. Пристав: говорит: «Можете, господа, идти, пока вы свободны» и добавляет мне:

«Хотя вы и большой спортсмен, но за господина Вроблевского вам придется уплатить штраф 25 рублей – без прописки проживать нельзя».

Через несколько дней Гурьев, Мочалов и Померанцев были у меня в «Гиршах» на Малой Бронной. Но наша удача омрачилась тяжелым разгромом дружины в Костроме, о подробностях которого мы узнали только в Москве.

Очень скоро я получил из Костромы известие о том, что у нас на квартире было еще два безрезультатных обыска. Было ясно, что мне в Костроме появляться было уже нельзя, так как обо мне имелись сведения не только «спортивного» характера. В Москве я тоже стал жить без прописки, а весной уехал в Сибирь, где и работал с перерывами до 1911 года¹.

КМЗ НВ 18999. Рукопись. Победоносцев А. М. Из воспоминаний боевика. 37 листов. Копия. Бумага, машинопись, рукопись.

Библиографические ссылки

1. Власть и общество российской провинции в модернизационных процессах конца XIX – первой трети XX столетия : коллектив. моногр. / А. М. Белов [и др.]. Кострома, 2018.

2. Воспоминания Богдановой В. Н. об участии молодёжи Костромы в революционных событиях. КМЗ НВ-17486.

3. Воспоминания Налетова Н. И. «Буйские большевики в борьбе за власть Советов». 1957 г. 44 листа. Печатный текст. КМЗ НВ 17498.

4. Второй период революции 1905 – 1907 гг.: январь – апрель 1906 г. М., 1959. Ч. 1, кн. 1.

5. Лапшин Н. П. Боевая организация Костромского комитета РСДРП 1905 – 6 года // 1905 год в Костроме : сб. ст. / под ред. Я. А. Андреева. Кострома, 1926.

6. Пахомов И. Е. Большевики Костромы в революции 1905 – 1907 годов. (К 50-летию первой русской революции). Кострома, 1954.

7. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905 – 1907 гг. М., 1986. Т. 3, кн. 1.

8. Победоносцев П. Молодая гвардия // Октябрь в Костроме. Сборник воспоминаний участников Октябрьских событий. Кострома, 1955.

9. Пятый (лондонский) съезд РСДРП. Апрель – май 1907 года. Протоколы. М., 1963.

---

¹Слова «Победоносцев Алексей Михайлович костромич б. персон. пенсионер союзн. знач. умер в 1960. В период культа личности Сталина был репрессирован» вписаны в нижнем левом углу синими чернилами.

10. Революционное движение в 1905 – 1907 гг. в Костромской губернии / под ред. П. А. Пахомова. Кострома, 1955.

11. Рыбкин А. А. Политический терроризм в российской провинции в 1905 – 1907 гг. (на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007.

I. N. Suloev

**FROM THE MEMOIRS OF AN ACTION MOVIE
(Alexey Mikhailovich Pobedonostsev)**

In the publication of I. N. Suloev included memories of 1905 – 1911 member of the fighting squad of the Kostroma Committee of the RSDLP A. M. Pobedonostsev, stored in the Fund «Documents» Kostroma Museum-reserve. A. M. Pobedonostsev's memories reflect the revolutionary upheavals that took place in Kostroma in 1905 – 1907.

Keywords: Kostroma, revolution of 1905 – 1907, RSDLP, fighting team, expropriation.